

дамский детектив

Галина
[РОМАНОВА]

СТЕРВАМИ
НЕ РОЖДАЮТСЯ!

Галина Владимировна Романова

Стервами не рождаются!

Серия «Детективная мелодрама»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167403
Стервами не рождаются!: Эксмо; М.: 2006
ISBN 5-699-08884-9*

Аннотация

«Разочаровавшаяся в жизни стерва ищет единомышленника для восстановления справедливости!» – такое вызывающее объявление напечатала Алька в газете, находясь в отчаянном состоянии. Только что она потеряла все: любимого человека, работу, квартиру, машину, а главное, от нее отвернулись люди. Альку обвинили в краже огромной суммы денег, хранившихся в ее сейфе. Кто-то ночью открыл сейф, несмотря на сигнализацию и охрану. Ключ же был сделан всего в одном экземпляре и всегда находился при ней. Теперь ничего никому не докажешь и пропажу не вернешь. Поэтому Алька, не раздумывая, едет на встречу с незнакомцем, сразу же откликнувшимся на ее объявление...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины

Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	39
Глава 8	45
Глава 9	49
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	61
Глава 13	66
Глава 14	71
Глава 15	74
Глава 16	79
Глава 17	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Галина Романова

Стервами не рождаются!

Глава 1

Первое объявление в столбце подобных же гласило:

«Милая, обаятельная блондинка с уравновешенным характером ищет спутника жизни для совместного проживания...»

Второе было еще хлеще:

«Очаровательная брюнетка, добрая, отзывчивая, трудолюбивая, хочет связать жизнь...»

И так далее, и тому подобное.

– Вот дают, а!!! – полувосхищенно, полунасмешливо выдохнула Алька, раскачиваясь на стуле в своей спальне. – Ну не женщины, а сплошное совершенство! Все-то они очаровательные! Все-то милые! И главное – трудолюбивые!..

При этом ее рука с зажатым в ней карандашом разрисовывала страницу брачных объявлений вдоль и поперек зигзагообразными линиями, норовя прорвать тонкую серую бумагу газеты местного полиграфического издательства.

– Никто! Никто не напишет про себя: склочная, сварливая, постоянно ноющая по поводу отсутствия денег в кошельке... Никому не придет в голову мысль написать: без

макияжа, а особенно по утрам, выгляжу как драная кошка... – продолжала она ворчать, читая дальше. – Все красавицы, умницы, способные понять!.. Чушь! Чушь и вздор!!!

В раздражении забросив газету в угол, Алька вскочила со стула и ринулась в прихожую. Там она принялась сверлить взглядом свое отражение в зеркале.

– Ну что можно написать про тебя, чучело ты гороховое?! – едва не плача адресовала она самой себе вопрос. – Ни внешности, ни роста, а уж об уме и говорить не приходится!..

Заявляя так, Алька, конечно же, кривила душой. При росте метр шестьдесят пять она обладала пусть не броской, но достаточно приятной наружностью. И самое главное: что-то таилось в ней эдакое чарующее, отчего мужики никогда не проходили мимо, не обернувшись ей вослед. Была ли тому виной непослушная копна пепельного цвета мелких кудряшек, а может, россыпь веснушек на вздернутом носике. Но когда Алевтина, мерцая голубыми глазищами, спрашивала с едва заметной хрипотцой: «Извините, уважаемый, вы не могли бы уделить мне минутку?...», то «уважаемый», судорожно сглотнув, готов был посвятить ей не только минутку, но и весь остаток дня, а может, и всю свою жизнь без остатка.

А вот что касается ее умственных способностей, то тут разговор был особый...

Глава 2

Проучившись два года в одном из институтов родного города, Алька с протяжным вздохом отодвинула от себя однажды учебники и выдала оторопевшим от неожиданности родителям:

– Все! Хватит! Образование ума не прибавляет! Не хочу я пять лет просиживать джинсы на студенческой скамье, чтобы потом всю жизнь сидеть в захолустной бухгалтерии и сводить дебет с кредитом!

– Аленька, голубушка! – всплеснула тогда руками ее мама и сморщила такой же, как у нее, носик, пытаясь заплакать. – Как же так?! Мы с папой всю жизнь для тебя...

– Драть надо было! Не ревела бы сейчас! – отчеканил тогда отец, подполковник в отставке, и ушел к себе в комнату, напоследок громко хлопнув дверью.

– Ой! – пискнула мама и прикрыла глаза платком. – Что же делается-то?!

– А ничего не делается! – бесшабашно улыбнулась Алька и с разлету плюхнулась на диван ничком. Потом перевернулась, обхватила подушку и мечтательно произнесла: – Поеду покорять столицу! Не хочу я в ученых дамах ходить. Посмотри кругом, мама! Как ученая, так замужем или за алкоголиком, или за наркоманом, или за неудачником. А почему?

– Почему? – с протяжным вздохом спросила мама, звучно

сморкаясь в платок.

– Потому что пока учились, всех хороших мужиков и поразобрали.

– Так уж прямо и всех... – недоверчиво покосилась на нее мать. – Насмотрелась сериалов и чушь городишь. Образование еще никому не помешало.

– Так я же не против образования, ма!.. – подскочила Алька со своего места. – Я буду учиться, но не здесь и не сейчас. Вот поеду куда-нибудь...

– В Москву! – фыркнула мать. – Там такого добра и без тебя хватает!

– Может, и хватает, но такого, как я, – нет!..

В результате долгих споров, переговоров и скандалов Алька через месяц оттанцовывала озябшими ногами на перроне Киевского вокзала столицы замысловатый танец и крутила головой во все стороны, пытаясь поймать взглядом необязательного двоюродного братца, который клятвенно обещал ее здесь встретить.

Народ сновал взад-вперед, задевая замерзшую девушку локтями. Она куталась в короткую кроличью курточку, которая мало спасала от пронзительного февральского ветра, и всю старалась не зареветь от отчаяния.

– Слышь, подруга, – окликнул ее кто-то со спины. – Пойдем, перекинемся...

Алька резко обернулась и едва не закричала от страха, упершись взглядом в налившиеся кровью глаза пьяного вер-

зины.

– Пошли, не пожалеешь. Ты уже час тут танцуешь, я тебя подсек, – осклабился тот, обнажив ряд железных зубов.

– Нет, нет! Вы ошиблись! – попятилась она и едва не упала, поскользнувшись на обледеневшей тропинке. – Я уже ухожу.

Алька рванула прочь, стараясь не замечать, как больно стучит по коленке забитая до отказа сумка и как скользят по февральской наледи ноги в коротких замшевых сапожках. Она бежала и бежала, пока силы не оставили ее. Привалившись спиной к какой-то стене, она обвела глазами вокруг и едва не разревелась от досады.

Нет, ну кто ее просил так далеко убежать от вокзала? Пойди теперь найди дорогу назад! Кругом спешащие равнодушные люди. К постовому обращаться мало проку. Сочтет либо за проститутку, либо за личность без определенного места жительства и отправит куда следует до выяснения обстоятельств. А ей туда нельзя, у нее паспорт без прописки. Надо же было дура выписаться из родительской квартиры перед самым отъездом! Надеялась на то, что братец все устроит. Уж как он соловьем заливался, расхваливая здешнее житие-бытие, а сам вон даже и не встретил.

Алька шмыгнула носом, перехватила поудобнее сумку и, следуя громкому зову голода, пошла в направлении огромной светящейся буквы «М».

Она уже почти доела свой гамбургер и допила коктейль,

когда на лицо ей упала тень и отвратительный до жути голос произнес:

– Так, так, так! Это что же получается? Я ее, шалаву, дома жду. Жрать, понимаешь, нечего, а она тут мои бабки на ветер бросает!

Опешив от неожиданности, Алька подняла голову и, как была с открытым ртом, так и застыла, глядя на кривляющегося перед ней парня в кожаных штанах и куртке.

Высокий и худой, он, словно флюгер на ветру, раскачивался из стороны в сторону, поливая ее на чем свет стоит. Она поначалу даже и не поняла, что все сказанное обращено именно в ее адрес, и принялась озираться по сторонам, пытаясь отыскать адресат его брани. Но все вокруг с равнодушием жевали, совершенно не обращая внимания на эту нелепую сцену.

– Простите, – оторопела Алька, догадавшись все же проглотить кусок, застрявший в горле. – Вы что-то имеете против того, что я здесь сижу?

– Да! Имею! И сейчас ты пойдешь домой и приготовишь мне пожрать, а попутно... – Он склонился к ее уху и кое-что добавил, для убедительности больно ущипнув ее за грудь. – И тебе нужно будет сильно постараться, а то я очень сердит в гневе...

– Да ты что?! – возмутилась она, начиная наконец понимать, что этот кривляющийся кожаный болван просто-напросто дурит ее, пытаясь поймать на испуг. Для нее не было

секретом, как поступают здесь с наивными приезжими дурочками, пытающимися чего-то добиться в этой жизни. Историями об этом ее пичкала мама все время ее сборов.

Да, она приехала в Москву, одержимая желанием покорить столицу. Да, она провинциалка, и это мгновенно бросается в глаза, но вот кем ее не назовешь, так это наивной дурочкой.

Мгновение поразмыслив и оценив ситуацию, Алька покорно вздохнула и согласно кивнула головой.

– Хорошо, пусть будет так, как ты сказал, – заявила она, поднимаясь со своего места. – Идем...

На минуту оторопев от такой покорности, парень довольно заухмылялся и, по-хозяйски обняв рукой ее за талию, повел к выходу из кафе.

– Идем, поймаем такси, – предложила она, втайне надеясь, что парень транспортом не упакован.

– А чем тебе подземка плоха? – процедил он сквозь зубы, не обманув ее надежд.

– Да ладно тебе, – шутливо пихнула она его в бок. – Я плачу. Бабки имеются.

– Ну пошли, коли так, – согласился идиот в кожаном и впервые за все время с интересом посмотрел ей в глаза. – А ты вообще-то ничего, хотя и прикид лоховатый...

Они подошли к стоянке такси, и ее спутник призывно поднял руку.

– Шеф, довези, – смешно растягивая слова, произнес он,

когда рядом с ними затормозила одна из машин с зелеными светящимися шашечками.

– Садись, – коротко сказал водитель, выслушав адрес.

Алька попридержала за рукав парня, норовившего себя рядом с водителем, и поманила его пальцем, стоя у раскрытой задней двери. Тот понимающе хмыкнул, качнул головой и толкнул девушку внутрь.

– Поехали, лохушка, оттопырится... – хохотнул он, наблюдая за тем, как девушка неловко распласталась на заднем сиденье.

Что именно подразумевал ее спутник под этим угловатым неуклюжим словом, так и осталось для нее загадкой. Собственно говоря, это мало ее и интересовало в данном конкретном случае. Все, что ей сейчас было нужно, так это как можно быстрее избавиться от навязчивого ухажера, что она, собственно, и сделала. Выждав мгновение, Алька резко выбросила вперед левую ногу и, увидев, как парень с протяжным стоном согнулся пополам, оттолкнула его правой ногой от двери машины и быстро скомандовала:

– Шеф, двигай быстрее!

– Понял, – шофер рванул машину с места, попутно посоветовав: – В следующий раз, когда будешь таким вот образом отделяться от своих мужиков, выбери другую машину. Идет?.. Куда едем-то?

– Соображаешь, – фыркнула Алька, роясь в карманах полушубка в поисках бумажки с адресом брата. – Печку вклю-

чи, будь другом. Продрогла до костей сегодня, даже пока в кафе сидела не могла согреться.

Водитель включил печку, и вскоре по ее ногам заструилось живительное тепло. Алька враз обмякла и попыталась развернуть свои тревожащие душу мысли в обратном направлении.

Ну подумаешь, не встретил! Могут же быть у человека дела! Подумаешь, обколотый нахал привязался, так подобные происшествия у нее и в родном городке частенько случались. Удавалось же прежде выходить из таких щекотливых положений без ущерба для души и здоровья, повезло и сейчас.

– Все уладится! – тихонько сказала она самой себе, наконец согревшись и уверовав в то, что все не так уж плохо.

– Чего ты там бормочешь-то? – живо среагировал таксист, ловко лавируя в тесно сплоченных рядах автомобилей. – Согрелась?

– Угу, – отозвалась Алька. – Спасибо, все нормально. Далеко еще?

– Да нет, минут двадцать-тридцать...

Ничего себе! За это время у себя дома она могла бы полгорода объехать, а здесь...

«Да, милая, пора привыкать к здешним условиям и расстояниям... Это тебе не какое-то там захолустье. Это – Москва! Одно слово – мегаполис!..» Она заворочалась на сиденье, устраиваясь поудобнее, и прильнула к запотевшему стеклу.

Город, окутанный чернотой позднего вечера, поражал обилием огней. Неоновые витрины, сверкающие рекламные щиты, миллионы светящихся окон, изрезавших высоченные дома на ровные квадратики. И за каждым квадратиком что-то свое: горе и счастье, печаль и веселье. Каждый таил в себе белое и черное, доброе и злое...

Этот бесконечный калейдоскоп огней мелькал у нее перед глазами, заставляя ее млеть, благоговеть и замирать от восторга в предвкушении чего-то необыкновенного и хорошего...

Но хорошему в этот день, видно, не суждено было случиться.

Алька долго стояла перед обшарпанной дверью, нажимая наманикюренным пальчиком кнопку звонка под фамилией своего брата, потом начала понемногу прозревать – ее братец что-то напутал, обещая устроить ее в прекраснейших апартаментах.

– Трепло!!! – зло скрипнула она зубами и решительно сместила пальчик на другую кнопку.

Сначала в глубине квартиры громко хлопнула дверь, затем раздалась отборная матерщина, и через мгновение ее обдала такая густая волна перегара, что она от неожиданности закашлялась.

– Какого хрена нужно? – Сипло выдавил седовласый мужик, возраст которого определить весьма затруднительно.

– Здравствуйте, – слегка склонила она набок головку и вы-

дала одну из самых своих обезоруживающих улыбок. – Можно войти?

Мужик пожевал губами, что-то вякнул нечленораздельное, но посторонился, давая ей возможность войти в квартиру.

Прихожая оказалась ничуть не лучше входной двери. В драных клочьях обоев, свисающих в разных местах со стен, она освещалась одной единственной лампочкой, тускло мерцающей под самым потолком на уродливо изогнутом проводе. Ободранный пол был грязным, не знающим половой тряпки и веника, хотя и то и другое было кем-то аккуратно уложено в левом углу от входной двери.

– Чего нужно? – не меняя интонации снова спросил мужик. – Говори и проваливай.

Алька набрала полную грудь воздуха и принялась щебетать о своих зловключениях, не давая возможности вставить хотя бы слово стоящему напротив. В своем рассказе она опустила лишь неприятное недоразумение в кафе.

– Ну и чего? – непонимающе пожал плечами мужик. – От меня-то тебе чего нужно?

– А... вы не знаете, где он? – старательно изображая приветливость, спросила она. – Может, он на службе или еще где?

– На службе! – фыркнул мужик. – Ну ты даешь! Офонарела, что ли, совсем? Какая служба у бандита?

– У бандита? – оторопело повторила Алька и устало при-

валилась к грязной стене. – А вы ничего не путаете? Он звонил моим родителям на днях, сказал, что трудится в своей конторе, название еще какое-то непонятное.

– Вот-вот! – почти весело подхватил мужик. – Мафиозная структура называется! И тебя наверняка сюда вытащил, чтобы под своих подставить. Девка ты видная, хотя и для такого бизнеса чуть низкорослая...

– Перестаньте! – еле слышно пробормотала она, все еще не желая верить в услышанное. – Он же мне брат все-таки!

– Ага! Вижу-вижу, как о сестре печется. – Он сунул руки в карманы замызганных спортивных брюк и недоуменно качнул головой. – Несет же вас всех сюда хрен!

Мужик принялся что-то возмущенно бормотать, попутно оглядывая Алевтину с головы до ног осуждающим взглядом. Удивительное дело, но ей отчего-то действительно стало стыдно. Было ли тому виной нервное напряжение, в каком она пребывала с тех пор, как ступила на перрон Киевского вокзала, либо тон соседа ее брата, клеймившего всех безмозглых провинциальных букашек, но Алька неожиданно покраснела и... расплакалась.

Слезы обильно потекли из глаз, не принося облегчения. Наоборот, с каждой минутой ей становилось все тяжелее и тяжелее. Вся ее затея, поначалу радужно расцвеченная воображением, теперь виделась совершенно в ином свете.

– Ты это... слышь? Кончай носом хлопать! – растерянно пробормотал мужик, переминаясь с ноги на ногу. – Чего-ни-

будь придумаем. Сейчас пойду, Клаву спрошу. Она баба мудрая, авось надоумит...

Он ушел длинным коридором, оставив хлюпающую носом Альку в одиночестве. Она сползла по стене, уселась на корточках и, обводя взглядом замызганные стены, пыталась найти ответ на единственный вопрос, мельтешащий в мозгу: «Что я здесь делаю?! Зачем мне все это?!»

«Красивой жизни захотелось!» – ехидно прозвучал в памяти голос отца, провожающего ее на железнодорожный вокзал. – «Ну-ну... Только ведь потом приползешь обратно, виновато виляя хвостом!»

Что угодно, но только не это! Вернуться, чтобы день за днем выслушивать его язвительные замечания и выносить укоряющие взгляды матери? Нет, такого она себе позволить не может...

Дверь между тем приоткрылась, и взору Алевтины представало странноватое существо, которое можно охарактеризовать не столько словами «без определенного рода занятий», сколько «без определенных первичных половых признаков».

Существо, видимо, и являвшееся Клавдией, между тем решительным шагом приблизилось к Альке, застыло в трех шагах от нее и принялось внимательно ее разглядывать.

На вид Клавдии было лет сорок с небольшим. Достаточно высокая, худая, она имела прямую ровную спину и такую же ровную, без каких-либо намеков на выпуклость, грудь, обтянутую тонкой хлопчатобумажной тельняшкой. Длинные ху-

дые ноги в черных шерстяных колготках походили на ноги цапли, и Алька с опасением ждала, что Клавдия вот-вот замрет на одной ноге или примется клевать ее крючкообразным кривоватым носом.

– Ты, что ли, и есть сестра этого бандюги? – нарушила Клавдия тишину.

– Вы об Андрее? – на всякий случай уточнила Алька, поднимаясь и настороженно вглядываясь в непроницаемые глаза женщины.

– А о ком же еще?

– Да, – кивнула девушка и протянула ладонь. – Алька... Алевтина Карамзина.

– Ишь ты! – фыркнула Клавдия, пожимая протянутую ладонь крепким мужским пожатием.

– Согласна, что фамилия несколько претенциозна, – попыталась улыбнуться Алька, но улыбка вышла кисловатой. – А вы Клавдия?

– Угу, – кивнула женщина. – Я живу с Мишкой. Ты с ним уже виделась. Ну что же нам с тобой делать-то прикажешь, Алька? Домой поедешь?

– Нет, нет, – испуганно закачала головой девушка, колыхнув разметавшимися кудрями. – Домой не хочу!

– Ну тогда иди за мной...

Она взяла в одну руку тяжелую Алькину поклажу и, саданув другой девушку по плечу, что, наверное, должно означать дружеское расположение, повела гостью по коридору к

своей комнате.

На удивление, там было чисто. Старенький диванчик аккуратно заправлен вытертым, но свежeweыстиранным покрывалом. Домотканые половички на полу, как и огромный с бахромой абажур под потолком, придавали комнате немного уюта.

– От прежних жильцов все осталось, – пояснила Клавдия, заметив интерес девушки. – Я с плавания вернулась, а жить и негде. Комнату тут сняла, а барахло съехавшие жильцы оставили.

– Понятно, – кивнула Алька, обессиленно опускаясь на белый пластиковый стул, скорее всего позаимствованный из ближайшей пивнушки. – Так где же Андрей?

Клавдия переглянулась с Михаилом, который настороженно поглядывал из угла, и загадочно хмыкнула.

– А нету Андрюхи-то, – пояснила она, опустив ее сумку на пол у платяного шкафа. – Он соседнюю комнату снимал. Появлялся крайне редко. Мы уже с Мишкой знали – если здесь, значит готовый. Ну в том смысле...

– Я знаю, что означает «готовый», – поспешила вставить Алька.

– Ну вот, значит. – Клавдия села на стул напротив и продолжила. – Потом он дня три похмелялся. Нас все к себе зывал. Я-то не употребляю, а вон Мишка с ним сиживал.

Мишка издал возмущенный вопль, протестуя против несправедливости замечания Клавдии. На что она лишь

снисходительно ухмыльнулась и принялась барабанить длинными цепкими пальцами по своей угловатой коленке. Но ее молчание подогревало его еще больше. Он принялся метаться по комнате, размахивая руками и вспоминая дни, когда и Клавдия была не прочь пропустить стаканчик-другой за счет хлебосольного соседа. Одна его фраза, в которой Клавдия почему-то сравнивалась со страусом, той особенно не понравилась. Издав победный клич, она вскочила со стула и с диким воплем врезала неблагодарному сожителю по физиономии.

По силе они почти не уступали друг другу, нанося хлесткие удары и перемежая все это непечатными словами. Как долго продолжался бы их поединок, неизвестно, но Михаил неожиданно побледнел, схватился правой рукой за сердце и, к радости Клавдии и ужасу Альки, рухнул с глухим стоном на пол.

– Господи, – испуганно пробормотала девушка. – Он умирает?!

– Не переживай, – успокоила ее Клавдия, подхватывая Мишку с пола и подтаскивая его к дивану. – Это его обычный трюк, если он чувствует, что проигрывает. Ты, Алька, не обращай внимания. Иногда, если люди плохо понимают друг друга, приходится им прибегать к действенной силе кулаков...

Она подошла к старенькому буфету, открыла один из ящичков и, порывшись в нем, достала связку ключей.

– Идем, я тебе Андрюхину комнату открою. Хозяйка просила сдать кому-нибудь, если найдутся желающие. Плата – четыреста рублей в месяц, деньги вперед. Согласна – идем, а нет – извини...

– Я согласна... – кивнула Алька. – Но вы не договорили об Андрее...

– Завтра, – отрезала решительно Клавдия. – Поговорим завтра.

Глава 3

Комната, которую прежде снимал Андрей, мало чем отличалась от той, где ей только что довелось побывать. Та же убогая обстановка, те же серые стены... Единственным предметом роскоши был маленький черно-белый телевизор, сиротливо притулившийся на подоконнике широченного трехстворчатого окна.

Алька поискала глазами, куда бы повесить шубку, и, не обнаружив ни шкафа, ни мало-мальски приличного гвоздя в стене, швырнула ее на кровать.

– Ладно, не так все плохо, – успокаивала она себя, опускаясь на краешек стула у двери. – Завтра я обо всем узнаю, и, может быть, что-нибудь изменится.

Но тревожное чувство, вызванное словами соседей Андрея о его, мягко говоря, своеобразном образе жизни, не отпускало. Оно ворочалось внутри, разрастаясь до невероятных размеров и затмевая собой все остальные беспокойные думы. Прометавшись по комнате большую часть ночи, Алка забылась под утро беспокойным сном.

Разбудил ее осторожный стук в дверь.

Алька подняла от подушки всклокоченную голову и хрипло спросила:

– Кто там?

– Алка, жрать будешь? – не совсем вежливо поинтересо-

вался Мишка и, еще раз корябнув по двери, добавил. – Клава картошки нажарила. Селедка имеется, так что давай вы-ползай из своей берлоги...

Потратив на утренний туалет чуть больше пяти минут, Алька зашла на кухню и остановилась у накрытого к завтраку стола.

Клавдия расстаралась не на шутку, присовокупив к сковородке жареной картошки и очищенной от костей селедке несколько ломтей постной колбасы и банку кабачковой икры.

Смерив стоящую перед столом девушку оценивающим взглядом, Клавдия приглашающе махнула рукой:

– Садись, Алька. – И тут же, с плохо скрытой завистью добавила: – Вот что значит молодость... Утром встала, свежа, как розовый бутон, а тут...

Смутившись от пристального внимания соседей, Алька заняла пустующую табуретку и с жадностью принялась уплетать предложенное соседкой угощение.

Как только с завтраком было покончено, Клавдия отодвинула от себя тарелку и сказала:

– Андрюха твой, думаю, слинял. Третьего дня его тут братва искала. Ну что, Алька, как думаешь дальше жить?

– А... а... я не знаю, – замямлила она, откладывая вилку с недоеденным кусочком колбасы. – На работу бы мне надо.

– Прописка есть? – перебила ее соседка.

– Нет.

– Тогда только в дворники или в проститутки, – вставил молчаливо сидевший до этого Михаил. – Без прописки – дело труба.

– Меня Андрей обещал прописать, а вот как все вышло, – безнадега вновь сжала Альке горло, норовя выдавить непрошенные слезы.

– Он бы тебя прописал, пожалуй! – фыркнул Михаил. – Только по его месту прописки тебе бы и работенку соответствующую подогнали. Так что...

– Так что, может, и к лучшему, что он смылся, – перебила его Клавдия. – А с работой что-нибудь придумаем.

Придумать оказалось не так-то просто.

С раннего утра до позднего вечера Алька в сопровождении своих соседей моталась по близлежащим районам столицы в поисках подходящей работы и день за днем возвращалась с массой впечатлений от отказов, высказанных иногда в вежливой, иногда в ироничной, а подчас и просто в грубой форме. Однако спутников девушки, непрезентабельного вида которых она поначалу стеснялась, ее неудачи не очень расстраивали. Они с сосредоточенным видом вышагивали рядом с ней, время от времени выпрашивая денег на обеды, гамбургеры или бутылку пива.

Время шло, деньги, выданные родителями, таяли на глазах, а работа все никак не находилась. Когда же у Альки в кошельке остались три последние сотни, она начала всерьез подумывать о возвращении под родительское крыло.

«Ничего! – тешила она себя мыслью. – Поругают, поверчат и простят».

Еще утром она потихоньку упаковала вещи. Сбегала в дежурный магазин, купила соседям прощальную бутылку водки, а себе бутылку «Мускателя» и совсем уже было собралась в тихом кругу отпраздновать свой отъезд домой, как произошло событие, в корне изменившее всю ее дальнейшую жизнь.

Глава 4

Звонок в дверь застал ее на кухне с ножом в руках: она резала тонкими ломтиками буханку хлеба.

– Иду! – крикнула Алька, откладывая в сторону огромных размеров нож и направляясь в прихожую. – Клава! Перестань же звонить, наконец!

Клавдия, узнав о неожиданно принятом девушкой решении, метнулась на другой конец улицы за Михаилом, который помогал кому-то с ремонтом, не безвозмездно, разумеется. Ушла она часа два назад, и время, отведенное ей для возвращения уже давно миновало.

– Вот ведь нетерпение какое, – с легким раздражением пробормотала Алька, открывая дверь. – И где, интересно, ее ключ?

Но, вопреки предположению, соседей за дверью не оказалось. На пороге выросла долговязая фигура незнакомого парня, а за его широкими плечами угадывались еще несколько силуэтов.

– Привет, – растянул он губы в широченной «голливудской» улыбке, одновременно оглядывая девушку с головы до пят леденящим душу взглядом. – Извини, мы уж войдем...

Легонько оттеснив девушку от двери, словно она и не человек вовсе, а так, пустое место, парни гурьбой ввалились в квартиру.

Их было пятеро. Высокие, плечистые, они сразу заполонили все пространство узкого коридора, который, к слову сказать, претерпел за последнее время некоторые изменения в лучшую сторону.

– Вам кого? – на всякий случай поинтересовалась Алька, немного растерявшись от того, как по-хозяйски вели себя незваные гости.

Ответа не дождалась. Парни молча обследовали квартиру, поочередно открывая все имеющиеся двери. Не обнаружив ничего, заслуживающего внимания, они прошли на кухню и, увидев накрытый к ужину стол, довольно заухмылялись.

– За что пить будем? – поинтересовался тот, что умел ослепительно улыбаться, попутно раскупоривая бутылку водки и наполняя все имеющиеся на столе стаканы.

– Вам виднее, – еле слышно ответила девушка, оскорбленная до глубины души их манерами.

Не то чтобы ей было жалко продуктов и выпивки, но та бесцеремонность, с какой они расположились за столом, без приглашения, ей претила. Пусть ее соседи люди тоже не лучших душевных качеств, но, вытягивая за время прожитого бок о бок месяца из нее деньги, они каждый раз делали это с таким виноватым видом и так убедительно обещали ей все вернуть при случае, что она невольно искала оправдывающие их действия мотивы, хотя в обещания верила слабо.

– Грубишь, значит? – стер с лица улыбку парень. – А зря! Мы поговорить пришли.

– Так говорите, – Алька встала спиной к окну и скрестила руки перед грудью. – Говорить хором будете или по очереди?

– По очереди мы только знаешь что делаем? – прошипел один из них и немного приподнялся с табуретки. – Вот если нам не понравится, что ты нам скажешь, тогда и в очередь встанем...

Алька промолчала, сообразив, что эти непрошенные визитеры, очевидно, бывшие дружки ее скрывшегося в неизвестном направлении брата и что с ними лучше держаться поскромнее.

– Итак, вопрос первый – кто ты такая? – нацелил на нее указательный палец парень, на этот раз не улыбаясь и не показывая великолепные зубы.

– Я здесь жила один месяц. Вернее, снимала комнату.

– А сейчас что же, уже не снимаешь?

– Я уезжаю сегодня ночным поездом, – просто ответила Алька и прямо посмотрела ему в глаза.

Тот, проигнорировав ее взгляд, опрокинул рюмку водки, подхватил маринованный опенок и, сосредоточив все свое внимание на грибок, предположил:

– Ты, конечно же, ничего о том, где может находиться сейчас Андрюха Косых, и понятия не имеешь?

– Нет, – спокойно ответила девушка.

Пять пар глаз впились в нее мертвой хваткой, стараясь уловить хоть какой-то намек, хоть какую-то тень в ее взгляде, указывающую на то, что она лжет.

Алька оставалась невозмутимой.

– Так, – удовлетворенно протянул парень и вновь наполнил свою рюмку. – Об Андрюхе Косых ты тоже никогда не слыхивала?

– Почему же, – недоуменно приподняла она брови. – Соседи так много мне о нем рассказывали, что мне кажется, я знаю все его привычки.

– Ага, значит, – он выпил и проглотил-таки опенок, который до этого все вертел на вилке. – А он нам нужен, представляешь?

– Нетрудно догадаться, раз вы такой толпой сюда пожаловали, – усмехнулась Алька и неодобрительно сверкнула глазами в сторону любителя очередности. Тот сидел не прикасаясь к выпивке, тогда как остальные успели уже почти опорожнить обе бутылки, и с ехидным прищуром ощупывал взглядом фигуру девушки.

– Помочь нам не желаешь? – вновь затребовал к себе внимания допрашивающий.

– Рада бы, но...

– Ладно, – протянул он и надолго задумался.

Алька стояла у окна, боясь шевельнуться. Мысль о том, что этот парень, полупьяно сейчас ворочающий извилинами, решает в настоящий момент ее участь, заставляла колени ее немного трястись от страха.

– Ладно, – опять повторил он и поднялся со своего места. – Живи, птаха, и не кашляй.

Он что-то быстро бормотнул своим спутникам и, развернувшись, вышел в прихожую. Те нехотя поднялись со своих мест и, смерив ее сожалеющими взглядами, потопали к выходу.

Боясь поверить в удачу, Алька медленно двинулась следом. И только-только за ними закрылась дверь, только-только она до конца осознала, каких неприятностей ей сейчас по воле небес удалось избежать, как дверь с диким треском распахнулась и в коридор головами вперед влетела неразлучная чета ее соседей.

Как и ожидалось, пятеро бравых головорезов появились следом.

– Ну и что теперь скажешь, сучка? – искажил свою великолепную улыбку парень в саркастический оскал.

– А... а что я должна сказать? – попятилась Алька, слегка бледнея оттого, как недобро блестят глаза у вошедших.

– Давай научим ее понятливости, Денис? – предложил один из них. – Уже надоело смотреть, как она дурочку ломает.

– Поучить-то, конечно, не мешает, – не оборачиваясь, ухмыльнулся Денис. – Но это-то мы всегда успеем, сейчас важно другое...

Он грубо схватил Альку за воротник спортивной куртки и, открыв пинком ее комнату, толкнул ее туда и закрыл за собой дверь...

Глава 5

– Ну и что ты скажешь теперь? – прищурился Денис спустя полчаса.

Алька подняла ноющую от бесчисленных подзатыльников голову и, посмотрев ему в глаза, твердо ответила:

– То же, что и недавно, – я тебе не соврала ни в чем.

– Ах ты сука, – почти ласково пропел парень и снова двинулся к ней.

Сжавшись в комок в ожидании очередных тумачков, девушка прикрыла голову руками и мысленно принялась обзывать мучителя всевозможными непечатными словосочетаниями. Не то чтобы это такой уж действенный способ смягчить боль от ударов, но немного все же отвлекает.

По части ругательств Алка совсем не мастерица, но сосед по лестнице в ее родном городке, проведший большую часть своей жизни за колючей проволокой, так любил изъясняться на лагерном лексиконе, что память ее просто кишела витиеватыми матерными комбинациями.

Не выдержав очередного хлесткого удара по щеке, она скрипнула зубами и, не помня себя, выдала кое-какие свои тайные мыслишки вслух.

От неожиданности Денис опешил. Несколько минут он пристально ее разглядывал, потом сунул руки в карманы и ехидно процедил:

– А ты не такая уж скромница, какой кажешься. Думаю, нужно тебя показать кое-кому.

Этот кое-кто встретил их у резных дубовых ворот двухэтажного дачного особняка в заячьем треухе. Новенький стеганый ватник был распахнут, открывая взору округлый волосатый живот, на котором уютно возлежал небольшой серебряный крест на витой цепочке.

– Кто такая? – сипло спросил мужчина и закашлялся, смерив гостей суровым взглядом. – Зачем приперся, да еще с девкой?

– Алексеич, понимаешь, какое дело, – зачастил Денис. – Первый раз растерялся. Короче, у Андрюхи в окне свет увидели, на хату завалили, а там телка эта. Спрашиваем, кто такая, чего здесь, ну и так далее, а она типа ни сном, ни духом... Мы ушли, а по дороге на его соседей нарвались, они-то и выложили, что баба эта – Андрюхина сестра.

– Да? – Алексеич сдвинул треух на затылок, блеснув под лучами заходящего мартовского солнца голым черепом, и уже с интересом посмотрел на замершую от страха девушку. – Говоришь, сестра... А ну-ка, отойдем.

Они пошли по дорожке, выложенной мраморной плиткой, что-то вполголоса обсуждая. О том, что разговор идет о ней, Алька догадалась по взглядам, бросаемым в ее сторону. Денис при этом ехидно ухмылялся и время от времени сплевывал себе под ноги. Взгляд его собеседника прочесть было сложно, слишком уж он был непроницаемым.

Переговоры закончились внезапно. Хлопнув Дениса по спине, Алексеич поманил Алевтину указательным пальцем:

– А ну иди-ка сюда, сестренка... Потолковать нужно...

Алька двинулась на негнущихся ногах следом за мужчиной, заметив, что brave ребята остались стоять за воротами там, где стояли.

Они прошли аллеей голых фруктовых деревьев и поднялись по каменным ступеням в дом.

– Заходи, – почти приветливо сказал мужчина и, скинув ватник, остался в спортивных штанах и шапке. – Тебя как зовут-то?

– Аля, – еле слышно выдавила девушка и, прокашлявшись, повторила. – Алька...

– Ну а меня Иван Алексеевич. – Он снял треух, швырнул его на стул возле входа и пригласил: – Ты проходи, проходи, не стесняйся. Кстати, можешь звать меня дядей Ваней.

Дядя Ваня, потрясая волосатым брюхом, проплыл в глубь дома и уже откуда-то из глубины комнат крикнул:

– Иди сюда, Алевтина.

Понимая, что не подчиниться она не может, Алька пошла на зов и через мгновение очутилась в уютной гостиной. В дальнем углу трещал поленьями огромный камин, даря комнате тепло. И если бы не напряженность обстановки, девушка с удовольствием забралась бы в глубокое кресло у стены и помечтала, глядя на буйство огня.

– Садись, чего притихла? – вторгся в ее тайные мысли сип-

лый голос хозяина. – Говорить будем...

Алька села на краешек кресла и стала разглядывать сцепленные на коленях пальцы, про себя отметив, что сломала два ногтя, когда пыталась загородиться от навязчивых оплелух Дениса.

– Ну и что мне с тобой делать прикажешь? А, Алька? – подал голос дядя Ваня.

– В каком смысле? – опешила она от такой постановки вопроса.

– А в таком! Ищем братца твоего, а находим тебя. Начинаем задавать тебе вопросы, а ты начинаешь врать...

– Я не врала, – упрямо, раз, наверное, в сотый повторила Алька.

– То есть?

– Меня спросили: знаю ли я – где мой брат. Я ответила, что нет. Затем мне задали вопрос: слышала ли я о таком? Я сказала, что не только слышала, но и знаю обо всех его привычках.

– Но ты не сказала, что ты его сестра, – перебил ее дядя Ваня.

– А зачем? Спросили бы, я бы ответила, – упорно стояла на своем девушка.

Если бы в кресле напротив сейчас сидел ее отец, то он бы вскочил, охваченный яростью, и, потрясая кулаками, скрылся бы в своей комнате. Такой интонации, когда Алька начинала хитрить, прячась за упрямство, он выносить не мог. Но

дядя Ваня оказался крепким орешком. Захихикав так, что волосатый живот его заходил ходуном из стороны в сторону, он погрозил ей пальцем и лукаво спросил:

– Терпение мое испытываешь, да?

– Почему вы так решили? – ловко изобразила недоумение Алька. – Я стараюсь отвечать на ваши вопросы...

– Ты неглупая девушка, – проигнорировав ее слова, задумчиво произнес Иван Алексеевич. – Во всяком случае, достаточно неглупая для своих лет. Тебе ведь восемнадцать, я не ошибся?

– Да...

– Ну вот видишь, как все хорошо складывается, – широко заулыбался он.

Хорошего ей, правда, виделось мало, но она все же нашла в себе силы ответить ему улыбкой на улыбку.

– И улыбаешься очень мило. И вообще ты девочка с изюминкой. Неспроста Дениса замутила, что он аж растерялся, а он не из простачков, – продолжал разглагольствовать хозяин, сузив глаза до щелочек. – Расскажи-ка о себе...

Алька подавила судорожный вздох, молниеносно отсортировала в уме всю информацию о себе и через несколько мгновений принялась осторожно частью этой самой информации с ним делиться.

Иван Алексеевич слушал, не перебивая, а когда она закончила говорить, вновь захихикал.

– Ишь ты, молодец! – заключил он, оборвав свое весе-

лье. – Все правильно рассказала. Ничего лишнего, ничего ненужного. Все то, что не сможет тебе навредить... Умница!

Чем уж так пришелся ему по душе ее рассказ, Алька так и не поняла до конца. Единственное, что ее в тот момент занимало, так это – во что выльется это незапланированное знакомство.

«Господи, хоть бы отпустили меня с миром! – канючила она про себя, скромно потупив глаза и рассматривая узор пушистого ковра на полу. – Зачем я им? Ну зачем?»

Ответ на этот вопрос она получила несколькими днями позже...

Глава 6

– Алло! Здравствуй, дорогой! – Иван Алексеевич откинулся на спинку кожаного сиденья в своем джипе и облегченно вздохнул. – Целую неделю не могу до тебя дозвониться. Какие-то проблемы?

– Не то чтобы очень, но...

– Понимаю, понимаю, дорогой, но тебе необходима встряска.

– Ни к чему это все, прошлого не вернешь.

– Согласен, но надо жить настоящим.

На том конце провода немного помолчали, а затем вместе со вздохом спросили:

– Иван, если я правильно понял, у тебя что-то есть ко мне?

– Нет, нет, что ты! – замотал головой Иван Алексеевич, словно невидимый собеседник мог его увидеть. – Я просто волновался... Твое молчание, оно ведь может очень дорого стоить.

– Не переживай, дела идут как и прежде. Мне просто хотелось побыть одному. После смерти Ирины прошло всего десять дней. Согласись, что это не такой уж большой срок для душевной реабилитации.

– Н-да-а, – печально выдохнул Иван Алексеевич и, осторожно подбирая слова, предложил. – А как насчет того, чтобы... другая женщина...

– Нет, – оборвали его на полуслове. – Мы уже говорили об этом! Оставь эти разговоры!

– Хорошо, но когда у тебя изменятся взгляды на этот счет, позвони мне...

Глава 7

Минула неделя.

Все это время Алька провела, блуждая по анфиладам комнат и рассматривая тоскливый мартовский пейзаж за окнами дома. Иван Алексеевич ей общество свое не навязывал и почти все время отсутствовал, однако охрану приставил.

Парни по очереди несли дежурство, всячески отсекая все ее попытки завязать с ними контакт. Лишь Денис снисходил до общения с нею, но делал это так скабрёзно, так отвратительно, что она мечтала уединиться.

– А для чего ты Алексеичу нужна, как думаешь? – вопрошал он, восседая в плетеном кресле кухни-столовой и вытянув ноги едва не на середину комнаты. – Наверняка он тебе что-нибудь об этом говорил?

– Нет, – коротко отвечала Алька, готовя себе нехитрую еду.

– Да ладно тебе, – недоверчиво хмыкал Денис. – Ни за что не поверю! Подумай сама: нам тебя не отдал, сам не пользуется... Какой резон тебя держать?

– Не знаю, – печально вздыхала она, невольно в душе соглашаясь с кривляющимся Денисом.

– Братца твоего на живца не поймать. Я так думаю, что ему глубоко наплевать на тебя, раз умотал, не предупредив и не встретив. Так я говорю?

– Так, – снова не смогла она возразить.

– Так-то оно так, но что-то здесь не так, что-то старикан задумал, – Денис изо всех сил напрягался, морща лоб и ерша волосы, но ничего не мог и предположить. – Странно это все...

– Странно, – эхом вторила Алька, откусывая от бутерброда. – А тебе-то что за печаль? Или у тебя у самого на меня виды имелись?

В этом месте их диалога Денис нахально прищурился и, оглядывая девушку с головы до ног, начинал говорить ей такое, что она против воли становилась краснее помидоров, которые ровными колечками украшали ее сэндвич.

– Прекрати, – просила она и умоляюще смотрела ему в глаза. – Имей совесть!

– Что я вижу! – восклицал он дурашливо. – Мы покраснели! Какая невинность в этом взгляде! Какая непорочность! А скажи-ка мне, милая невинная овечка, – зачем пожаловала в столицу?

В этом месте Альке становилось особенно неудобно. Хотелось ей того или нет, но, обвиняя ее в легкомыслии и излишней самоуверенности, Денис был прав на все сто.

– Вот подожди! – зловеще заканчивал он обычно. – Хорошо, если старик тебя шестеркой куда-нибудь своей приставит. Не бог весть какая должность, но все же не шлюха, а так...

К своему «так» он, как правило, добавлял еще пару-трой-

ку душераздирающих прогнозов ее морального и физического разложения.

Финал их бесед был, как всегда, одним и тем же: Алька поднималась в отведенную ей на втором этаже спальню и, уткнувшись в подушку, принималась реветь, а Денис еще долго, продолжая криво ухмыляться, вещал над ее головой о ее безрадостном будущем.

Кончилось все это как-то внезапно.

Утирая привычно безутешные слезы, девушка вдруг настороженно притихла, услышав, как внизу громко хлопнула входная дверь. Для визитов время неподходящее, да и в отсутствие хозяина сюда никто, кроме домработницы и дворника, не навещался. Сам он появлялся ближе к полуночи. Сейчас же старинные ходики четко обозначали три часа пополудни.

Алька опустила босые ступни, нацепила подаренные Иваном Алексеевичем мохнатые тапочки и осторожно приоткрыла дверь.

– В общем, ты меня понял, – говорил кому-то дядя Ваня, стоя прямо под лестницей в том месте, где притаилась Алька. – купишь все по этому списку, упакуешь и подвози сюда. Ничего не перепутаешь?

– Да нет, – без всякого энтузиазма ответил ее недавний мучитель.

– Только не задерживайся. Времени в обрез. Выехать нужно не позже четырех утра.

Отчего-то при этих словах бедное сердечко Алевтины за-
ныло ноющей болью, и в памяти отчетливо прозвучали ма-
мины слова, сказанные ею при прощании:

– Ох, Аленька, чует мое сердце – попадешь ты в беду!

– Ну что ты, мама, – попыталась рассмеяться тогда Аль-
ка, хотя в носу противно защекотало, а глаза начало пощи-
пывать от еле сдерживаемых слез. – Ты же меня знаешь – я
нигде не пропаду!

– Дай-то бог! Дай-то бог!..

– Алька! – зычно крикнул с первого этажа Иван Алексе-
евич, отвлекая девушку от бередящих душу воспоминаний. –
А ну давай спускайся! Разговор имеется...

Разговаривать с ней хозяин пожелал впервые с того памят-
ного дня приезда сюда, поэтому любопытство, отсутствием
которого она не страдала, подстегнуло ее, и уже через мгно-
вение Алька сидела напротив него в гостиной и с напряже-
нием ожидала, что же такое он ей уготовил. В том, что сей-
час решится ее дальнейшая судьба, она не сомневалась ни
минуты. Вопрос в другом: устроит ли ее это?..

– Боишься? – вполне миролюбиво, что было неплохим
признаком, спросил ее Иван Алексеевич, отхлебнув мине-
ралки из высокого стакана.

– Да, – кивнула она, сочтя, что откровение в данной ситу-
ации не такой уж плохой союзник.

– Правду говоришь, хвалю, – одобрил он и поставил ста-
кан на стеклянный столик. – А ты не бойся. Плохого я тебе

не сделаю. Я тебе помочь хочу...

«Уж конечно!» – едва не фыркнула вслух Алька, но сдержалась и лишь согласно кивнула головой.

– Не веришь, а зря, – заметил всевидящий Иван Алексеевич. – Хочу я, Алька, устроить тебя на работу в одно хорошее место. Работа, скажу сразу, не пыльная, но работать придется от зари до зари.

– А-а-а... кем работать?! – Ехидные слова Дениса о голых шлюхах, перебивающихся подачками толстосумов, мгновенно ударили по нервам, заставив ее ладони вспотеть.

– Это не то, о чем ты думаешь, – досадливо поморщился он. – Как все-таки испорчена нынешняя молодежь... Работать будешь референтом.

– Где? – вырвалось у нее вместе с вздохом облегчения.

– Увидишь, – туманно заявил хозяин и, поднявшись с кресла, позвал. – Пойдем, кофейку попьем и обсудим кое-какие детали...

Обсуждение деталей затянулось аж за полночь. Все это время она отвечала на вопросы, многие из которых вгоняли ее в краску, сама задавала вопросы, а все больше слушала нравоучения ее теперешнего наставника и время от времени согласно кивала головой.

– Ну, а теперь иди спать, – шлепнул он ее по-отечески пониже поясницы. – И помни: теперь все зависит от тебя! Твоя будущая жизнь в твоих руках. Сумеешь – станешь жить как королева, а нет...

Алька смотрела на него слипающимися от усталости глазами и пыталась переварить услышанное. В голове образовался хаос от всевозможных инструкций, советов и рекомендаций. Но она была почти уверена, что, проснувшись поутру, она рассортирует все по своим местам, выберет необходимое и отбросит ненужное.

Сейчас же единственным ее желанием было – уснуть...

Глава 8

Вдоволь насмотревшись на свое отражение в зеркале, отыскав в себе массу недостатков, Алька со вздохом погасила свет и побрела на кухню.

Как много воды утекло с тех самых пор, когда она впервые ступила на перрон Киевского вокзала. Разве могла она знать тогда, в какой жизненной круговерти окажется.

– Прошлого не воротишь, – печально обронила она, включая чайник. – Что было, то было...

Случилось за последние годы, конечно, многое. Понамешано всего – и плохого, и хорошего, но такого переплета, как сейчас, она не могла себе представить даже в кошмарном сне.

Алька обвела взглядом кухню.

Встроенная бытовая техника, импортные смеситель и фильтр для воды. Кухонный гарнитур вообще статья особая, не говоря уже о многочисленных фарфоровых и хрустальных сервизах.

Все это стоило немалых денег, покупалось не сразу, но с расчетом на долгие годы. Кто же мог знать тогда, что со всем этим ей придется расстаться вот так вот вдруг и сразу.

– Сволочи! – скрипнула она зубами, вспомнив ехидное напутствие одного из сотрудников ей в спину. – Я вам еще устрою!!! Вы рано списали меня со счетов!!!

Плеснув себе в стакан кипятка, Алька добавила две ложки кофе, бросила туда же пару кусочков сахара и, подхватив вазочку с пирожными, вернулась в спальню.

Мягкий свет настенного светильника выхватывал центр комнаты, скрадывая все остальное в мягких тенях по углам.

Боже мой! Сколько труда она вложила во все это! С какой любовью подбирала каждую вещицу, чтобы она, не дай бог, не портила интерьера, не выпячивалась излишней роскошью или, наоборот, не бросалась в глаза бесполезной простотой. Со скрупулезностью, доходящей до фанатизма, следила за чистотой в своем доме, за каждой складкой портьер. А все почему? Да потому что только здесь она не на работе. Только здесь отдыхала душой и наслаждалась покоем. А теперь это все предется продать с молотка или вообще отдать непонятно кому.

И почему?! Для чего?!

«Для того, чтобы выжить... – тихонько всплыл из ниоткуда ответ на ее немой вопрос. – А не лежать обезображенным трупом на какой-нибудь городской свалке...»

Вспомнив, каким недобрым огнем еще недавно горели глаза сидящего напротив мужчины, каким холодом и ненавистью дышало каждое его слово, сказанное в ее адрес, Алька расплакалась.

– Перестань! Прекрати сейчас же! – принялась она уговаривать себя, размазывая по лицу слезы. – Ты же обещала!..

Да, она действительно обещала самой себе после событий

той памятной ночи, что не прольет больше ни слезинки, но на деле все оказалось гораздо сложнее.

Ее твердость духа, воля, которую она при надобности научилась собирать в кулак, превращались в пыль и прах, стоило ей представить, что она никогда больше не ощутит на себе его рук, никогда не услышит его жаркого шепота.

Но и это не самое страшное. Больше всего ее угнетало сейчас то, что он отвернулся от нее, не поверил ей, хотя она умоляла об этом.

– Для меня ты больше не существуешь, – мимоходом обронил он, стараясь не смотреть в ее сторону. – И думаю, что тебе лучше побыстрее все вернуть, дабы избежать проблем, а они могут у тебя возникнуть. Кстати...

Он все же притормозил и холодно посмотрел на нее сверху вниз.

– На мою помощь и поддержку ты можешь больше не рассчитывать.

– Но я ни в чем не виновата! – задыхаясь прошептала она. – Поверь мне! Единственное, о чем тебя прошу, – поверь!

Но он ей не поверил...

Алька судорожно вздохнула и вытерла слезы. Рассеянно отхлебнув из чашки, она недовольно поморщилась – кофе безнадежно остыл, а холодный кофе для нее как напиток не существовал. Отставив чашку в сторону, она потянулась за пультом телевизора и случайно наткнулась взглядом на угол

газеты, торчащий из-под стола. Только сейчас она вспомнила, как в сердцах запустила ее туда, прочитав страницу брачных объявлений и разозлившись непонятно за что на всех, надеющихся подобным образом обрести счастье.

Вытащив газету за уголок, Алька с минуту разглядывала ее истерзанную страницу и неожиданно для самой себя заулыбалась. Внезапная мысль развеселила и приободрила ее.

– А почему бы и нет?! – посмеиваясь задала она самой себе вопрос. – Займемся этим завтра же!

Глава 9

Утро следующего дня разверзлось дождевыми потоками и оглушительными громовыми раскатами. Поглазев из-за кухонной шторы в окно на прыгающих через лужи людей, Алька убрала волосы в высокий хвост, надела спортивный костюм и, прихватив свою сумку, вышла из дома.

Ее темно-лиловый «Форд» скучал на стоянке в одиночестве.

«Скоро и тебя придется отдать», – подумалось ей, но удивительное дело: без обычного чувства горечи и злобы. Алька вообще подивилась сегодняшнему своему состоянию. Сыграло ли тут роль принятое ею вчера решение, а может быть, она переступила какую-то незримую грань внутри себя, но с души вдруг упала непосильная тяжесть.

С таким же легким сердцем она вошла в обшарпанное здание редакции, и даже злобная руководительница отдела писем, в чьем ведении находилась страница брачных объявлений, не омрачила ее настроения, хотя и верещала на весь этаж:

– Вы отдаете себе отчет в том, о чем просите?!

– Абсолютно, – мило улыбаясь, парировала Алька, развалившись без приглашения в дерматиновом кресле.

– И вы уверены, что мы это напечатаем?! – не меняя интонации, продолжала та возмущаться.

– Абсолютно, – повторила Алька и добавила в свой взгляд немного колючести. – Ведь я плачу...

– Но написать такое! Это невысказано! – Дама нацепила на нос очки и процитировала, держа на приличном от глаз расстоянии Алькину писанину. – «Разочаровавшаяся в жизни стерва, – подумать только, – ищет единомышленника для восстановления справедливости!» Вы полагаете, что такое можно публиковать?!

– Вы это сделаете, – совершенно невозмутимо ответила она и, чиркнув зажигалкой едва не под носом у хозяйки кабинета, прикурила. – Перестаньте вставать в позу. Для меня не секрет, что живете вы только за счет подобной белиберды да за счет рекламы. Бывает еще везение в виде тухлых новишек о похождениях местных знаменитостей, но ведь опубликовать вам это никто не позволит. Так что, уважаемая, примите квитанцию об оплате и перестаньте вести себя, как перепуганная членом девственница...

Дама побагровела, пошарила глазами по кабинету, очевидно, в поисках тяжелого предмета, но, так и не найдя оно-го, выхватила у Альки из рук квитанцию и, задыхаясь, просипела:

– Вон!!! Вон!!!

И когда Алька была уже на пороге, ехидно процедила:

– Я, конечно же, опубликую эту, как вы изволили выразиться, белиберду, но ответа вам не дожидаться никогда! Слышите? Никогда!!!

С последним она ошиблась. Ответ пришел. И пришел даже раньше, чем предполагалось, но, вручая конверт Алевтине, начальница отдела писем так ехидно ухмылялась, так ележно ворковала, что той сразу почудился подвох.

Предчувствие, величайшее из ощущений в ряду неразгаданных человеческих рефлексов, ее не обмануло. Обратный адрес, написанный неразборчивым почерком, включал в себя строчку, которая могла означать только одно: ее новый поклонник – осужденный...

Глава 10

Наступил последний день ее пребывания в собственной квартире. С тех самых пор, как она отправила ответ неизвестному парню, обратившему внимание на ее опрометчивое объявление, прошла ровно неделя. Все это время она почти не выходила из дома. За всеми причудами хмурого лета Алька наблюдала, облокотившись о подоконник. Настроение ее менялось почти так же, как погода за окном. Там то светило солнце, выгоняя на улицы заждавшихся тепла горожан, то лил дождь, смывая городскую пыль быстрыми потоками. Так и она – то воспаряла душой, желая верить, что справедливость все-таки восторжествует и ей удастся найти виновных, то впадала в уныние. Невесело комнату за комнатой с початой бутылкой виноградного вина в руке Алька с тоскливой обреченностью оглядывала каждый предмет мебели, каждую безделушку, прощаясь с этим навсегда.

Оправдательного приговора, на который она втайне надеялась, она так и не дождалась. Вчера вечером, едва она включила свет в кухне, вернувшись из похода по магазинам, в квартиру позвонили, и, прильнув к глазку, она разглядела отвратительную сияющую рожу Зоси, их так называемого кредитора. Зачем он пришел, для нее не секрет. Она сама не раз отправляла его по различным адресам выклянчивать долги. Если его нытье не помогало, следом шла тяжелая ар-

тиллерия...

– Чего надо? – неприветливо спросила Алька, открыв дверь.

– Должок! Должок! – еще шире заулыбался Зося, вваливаясь в квартиру. – Аленька, душа моя, почему грубишь?

Алька не снизошла до ответа и, четко чеканя шаг каблуками, прошла в гостиную. Зося засеменил следом. При этом он попутно успевал оценивающе прищелкивать языком, останавливая взгляд на той или иной дорогой вещице.

– Да, мать! – Он вальяжно развалился в кресле, едва переступил порог гостиной. – Нелегко, наверное, с таким добром расставаться?

– Да пошел ты... – вяло огрызнулась Алька, открывая бар и доставая оттуда бутылку водки и пару рюмок. – Выпьешь? Выпьешь. Ты – да не выпьешь на халяву?!

– Аленька, зачем ты так, – попытался обидеться Зося, хитровато перебегая заплывшими жиром глазками с предмета на предмет. – Мы с тобой не первый год знакомы, а ты меня...

– Вот потому, что мы с тобой не первый год знакомы, – заткнись, – попросила она, наливая водку в рюмки. – Ни для тебя, ни для меня не секрет, что пришел ты ко мне не с оливковой ветвью, а посему ни о каком соблюдении приличий не может быть и речи. Я буду сквернословить и хамить, а ты уж, Зосечка, потерпи. Потому что тошно мне сейчас так, как тебе и представить невозможно.

– Понимаю, понимаю, – Зося взял толстыми пальчиками-сосисками рюмку водки и лихо опрокинул ее себе в рот, даже не поморщившись. – Только ты, Алька, сама виновата.

– Да ну?! – насмешливо протянула она и, следуя его примеру, так же, как он, лихо опорожнила рюмки. – И в чем же? Что пахала, не зная отдыха, на дядю Сережу, что тянула на себе воз, забыв о том, что я все-таки женщина?!

– Вкалывала ты, допустим, не за бесплатно. И про женщину ты малость подзагнула, – захихикал Зося, погрозив ей пальцем. – Сергей Алексеевич тебя приблизил, как никого. После его покойной жены только ты была вхожа к нему в спальню. Так что, Алечка, не гневи бога!

– Тебе, вообще, что нужно?! – заорала вдруг Алька, взбесившись оттого, что какое-то ничтожество осмелилось коснуться запретной темы. – Ты зачем приперся?! Боишься, что я не съеду?! Или что занавески вот эти гребаные с собой заберу?! Так не нужно мне ничего! Понял ты, свинья, не нужно! Заберите все! Все!

С этими словами она подлетела к окну и принялась срывать с него шторы. Прочная ткань, хорошо укрепленная сверху, не поддавалась и лишь слегка потрескивала, что распалаяло ее еще больше. Она трепала плотный шелк, словно он был единственным виновником ее несчастий, ругалась и, добившись наконец, чего хотела, принялась топтать шторы ногами.

Зося притих, втянув голову в плечи и настороженно по-

глядывая за беснованием Алевтины, потом полез в карман за мобильником. Но не успел он набрать и пары цифр, как она в два прыжка подскочила к нему и выхватила трубку из рук.

– Кому звонить собрался, а?! Безмозглый ты боров!

– Алечка! Алечка! – залопотал Зося побелевшими губами. – Ты чего? Мне просто велено передать, чтобы ты завтра ключики от машины и квартиры сдала, вот и все! Чего ты на меня-то набросилась?!

Натуру Зося имел трусоватую, хотя и числился одним из приближенных людей ее хозяина, и Альке вдруг стало почему-то жаль его. Она обмякла, плечи ее обреченно опустились, и она обессиленно рухнула в кресло.

– Убирайся, все отдам... Завтра все отдам... – едва слышно прошептала она и заплакала от сознания собственного бессилия перед неизбежным...

Все это происходило вчера.

А сегодня она покидала этот дом. Уходила, чтобы больше никогда сюда не вернуться.

Швырнув порожнюю бутылку на пол и оттолкнув ее от себя ногой, Алька взяла в руки две объемистые сумки со своими вещами и, выйдя на лестницу, захлопнула дверь. Ключи от квартиры и машины она бросила в почтовый ящик. Вознамерившись поначалу швырнуть их в лицо Сергею и добавить попутно пару-тройку крепких словечек, Алевтина сегодня передумала. Ни к чему беречь свою душу еще одной встречей. Да и где гарантия, что ее допустят к нему в офис?

Она вышла из подъезда и, не оглядываясь, двинулась к выходу со двора. За углом притормозила, зашла в телефонную будку и, стараясь не слышать стук своего сердца, набрала знакомый до боли телефонный номер.

– Алло, – Сергей, как всегда, трубку снял сам, проигнорировав услужливых секретарей. – Слушаю вас...

– Ключи в почтовом ящике, – на одном дыхании выпалила Алька, намеренно не поприветствовав его.

– Здравствуй, во-первых, – укоризненно вздохнул он. – Могла бы занести и сюда... тебя бы впустили.

– Если ты боишься, что я что-нибудь унесу с собой, то напрасно – все, как говорится, сдано по описи: квартира, машина, обстановка и... – Она немного помолчала, старательно выравнивая дыхание, а затем закончила: – И твои подарки.

Сергей молчал.

– Я оставила там все до единого украшения, все до единого колечка, подаренного тобой. Все, кроме одного... – В этом месте голос ей изменил, и Алька, чтобы снова не разреветься, бросила трубку...

Глава 11

Сергей молча смотрел в стену перед собой невидящим взглядом и силился вспомнить, при каких обстоятельствах он подарил ей то самое золотое колечко с мизерным камешком. Да и камешком-то назвать его было нельзя. Так, едва заметная изумрудная крошечка. Но Альке кольцо отчего-то полюбилось больше всего. Какие бы украшения она ни меняла, что бы ни нанизывала себе на пальцы и запястья, это маленькое изящное колечко неизменно оставалось на своем месте – на безымянном пальце правой руки.

– Что за странность у тебя такая? – сколько раз за эти годы старался допытаться он.

Алька загадочно мерцала глазами, но не отвечала. Лишь однажды она намекнула ему о символике этого колечка, но сделала это как-то не вовремя и расплывчато, что он тут же забыл об этом, окунувшись в ежедневную пучину дел.

Дела поглощали все его время. Где бы он ни отдыхал, в какой бы компании ни ужинал, мозг его неустанно переваривал подробности прошедших и предстоящих встреч. Деловая переписка, заключение договоров с партнерами, которых с каждым годом становилось все больше и больше, – все это отнимало уйму времени, не давая возможности хотя бы на мгновение расслабиться и оглянуться назад. Где уж тут запомнить, когда и при каких обстоятельствах он подарил ей

то кольцо! Он и сам факт появления Альки рядом с собой, можно сказать, просмотрел, не то чтобы помнить о каком-то незначительном подарке.

Единственное, что мелькало обрывочными видениями в памяти, так это перепуганная девушка с мелкими кудряшками и очень бледным лицом, на котором отчетливо проступили мелкие веснушки.

– Вот познакомься, Сергей, это Алевтина, – представил ее Иван, его родной брат, нагрывувший вдруг ни с того ни с сего из столицы. – Рекомендую ее тебе в референты.

– Да, может быть, может быть, – рассеянно пробормотал он тогда, перекладывая какие-то бумаги на столе и почти не глядя на стоящих перед ним людей...

– Ты приглядишься к ней получше, девочка что надо, – посоветовал ему перед отъездом Иван. – Говорю тебе как брат. Приглядишься...

Где уж тут приглядываться! Выделив ей место в соседнем кабинете, Сергей почти тут же о ней забыл, отгородившийся ото всех, а теперь и от нее тоже, незримой стеной холодного высокомерия.

Бизнес, взявший свое начало с полулегальных поставок медикаментов и медицинского инструментария, между тем стремительно лез в гору. Вместе со своим братом, который первым узаконил их общее дело, он стал подумывать о том, чтобы у себя на периферии построить фармацевтический комбинат, производящий недорогостоящие, но так нужные

людям препараты. Местные власти подобное начинание приняли и даже предложили инвестировать это благородное дело, но Сергей отказался, решив, что вмешательство извне им может только навредить.

И работа закипела. Красные пиджаки братвы быстренько поменяли на скромные костюмы служащих, экстерном подучили и, одарив должностями, призвали творить благое дело. Те, почесав затылок и поразмыслив, рьяно взялись за новое дело, со временем попереженились и обрели вполне солидный вид.

Люди работали от зари до зари, не покладая рук. Вот в этот самый момент Сергей и обратил внимание на молодую энергичную девушку, об организаторских способностях которой на их фирме уже начали слагать легенды.

– Зайдите ко мне, – походя, как он любил это делать, обронил как-то Сергей.

– Хорошо, – отчего-то смутилась она. – Сразу после совещания я зайду.

Но ни в этот день, ни на следующий встреча не состоялась. Начались недоразумения с подрядной организацией, которая не хотела сдавать корпуса к положенному сроку. Сергей нервничал, его подчиненные скрипели зубами и вспоминали благословенные времена, когда все проблемы можно было решить, взведя курок у виска необязательного партнера.

– Да, времена сейчас не те, – опечаленно вздохнул Олег Голованов, оседлав стул в приемной.

– Времена меняются, но люди остаются прежними, – осторожно вставила Алька, работая за компьютером.

– Ну и что ты предлагаешь? – хмыкнул он. – Пойти и к стенке его поставить?

– Ну зачем же так грубо? – улыбнулась она тогда. – Можно просто предупредить... по-мужски. Разумеется, сделать это нужно не на людях и не в его кабинете, а в каком-нибудь сокрытом от посторонних глаз месте.

Проговорила она это все тихо, не отрывая глаз от монитора, словно и не адресовала никому эти слова, но в приемной отчего-то стало тихо. Парни начали переглядываться, посмеиваясь: как же им самим в голову не пришло подобное.

Через два дня проблемы не стало. А еще через день Алька все же предстала пред светлые очи ее босса, который впервые за прошедший год снизошел до общения с нею...

Глава 12

– Можно войти? – осторожно просунула Алька нос в дверь. – Сергей Алексеевич, вы не заняты?

– А? – поднял он голову от доклада, который секретарша перепечатывала раз, наверное, в третий. – Да, да, входите, прошу вас. Вы уж простите, что до сих пор не нашел времени для общения с вами, но сами видите, в каком напряженном ритме приходится работать. Вы посидите несколько минут, пока я прочту...

Она присела на краешек стула возле стола и, ожидая, пока хозяин освободится, обвела взглядом кабинет. Все здесь на удивление просто, но она-то точно знала, каких бешеных денег стоит эта так называемая простота.

Год назад она впервые переступила порог этого кабинета. Ровно год с тех самых пор, как Иван Алексеевич привез ее сюда из Москвы. В тот день она плохо соображала, зачем и куда едет. Единственное, что ее успокаивало, так это то, что ничто не угрожает, и то, что ей не придется возвращаться домой. Сейчас же, бросая взгляд назад, на эти прожитые в сумасшедшем ритме месяцы, она с удивлением констатировала, что ей удивительно повезло в жизни. И в том, что ее братец бесследно исчез в неизвестном направлении с энной суммой денег, забыв спросить на то разрешения своего хозяина, и в том, что потом ее принудили приехать к Ивану

Алексеевичу, а тот, озаренный непонятно какой идеей, привез ее сюда, и в том, что, благодаря своей напористости и энергии, она почти сразу заняла видное положение в ряду приближенных босса, хотя он этого, возможно, и не замечал.

– Курите? – отвлек ее от размышлений негромкий вопрос Сергея Алексеевича.

– Почти нет. Иногда, когда начинаю нервничать, – прямо ответила Алька.

– И часто приходится нервничать?

– Последнее время было нелегко, – откровенно призналась она.

– Это ваши сводки я читаю ежедневно? – Порывшись в кипе бумаг, он извлек нужную и легонько потрянул ею в воздухе.

– Да, это делаю я, – насторожилась она. – А там что-то не так?

– Нет, нет, как раз напротив, я хотел сказать, что все на редкость лаконично и грамотно.

Эта бесхитростная похвала и обрадовала ее, и смутила одновременно. Смутила оттого, как Сергей Алексеевич смотрел на нее. Его взгляд не был обычным – отстраненно-вежливым, в нем читалась такая откровенная усталость, что ей невольно захотелось провести рукой по этим глазам, чтобы хоть немного смягчить то ощущение тяжести, которое исходило из них.

– Почему вы так смотрите на меня? – сразу уловил в ней

перемену Сергей Алексеевич.

– Я? – От неожиданности Алька смутилась. – Нет, я просто... Вы выглядите очень уставшим. К тому же вы сегодня не обедали.

– Да? – Он растерянно заморгал. – А ведь действительно. Ну что же, мне предоставляется прекрасная возможность пригласить вас на обед.

– Нет, нет, что вы, что вы! – всплеснула она руками. – Это невозможно!

– Почему? – искренне изумился он. – Вы уже с кем-то обедаете?

– Нет, но я... – споткнулась она в поисках ответа и тут же выпалила первое, что пришло ей на ум. – Но я на работе...

– Ну, это не беда, – заулыбался он, отметив ее наивность. – Поскольку я являюсь вашим работодателем, я могу вас и освободить.

– От занимаемой должности? – улыбнулась она в ответ.

– У вас очень красивая улыбка, – сам того не зная, повторил он слова своего брата. – Идемте обедать...

С этого дня все и началось.

Сначала это были обеды раз в месяц, затем раз в неделю, а через полгода он уже не мог без нее обходиться. Алька стала для него чем-то вроде электронного секретаря, всегда знающего о любой назначенной встрече, о любом запланированном мероприятии. Она стала его пультом управления, на какую-бы кнопку он ни нажал, тут же получал все, что хотел.

Все, кроме одного...

– Ну почему? – хрипло выдыхал он, когда она упиралась руками ему в грудь.

– Сережа, я еще не готова, – волнуясь, отвечала Алька, напуганная таким поворотом в их отношениях. – Прости меня. Дай мне время...

Такой роскоши он не мог позволить ни себе, ни ей. Тратить драгоценные минуты и часы на бесполезные ухаживания? Сергей считал это по меньшей мере неумным занятием.

– Я хотел тебя, ты хотела меня, – пытался он оправдать свою грубость, видя, какой подавленной выходит Алька из комнаты, расположенной позади его кабинета. – Что могло измениться, если бы это произошло не сейчас, а через месяц, два, через год? Пик желания был бы больше? Или были бы соблюдены приличия?

Она обхватила тогда себя руками и не находила слов, чтобы возразить.

Действительно, а что изменилось бы?

Ну нарисовала она себе в мечтах романтическую встречу при свечах, плавно переходящую в изысканную любовную сцену, ну и что? Может быть, Сергей прав, и секс в перерывах между совещаниями куда большего стоит? Страсть-то была неподдельной!

Но отчего-то не проходило у нее чувство горечи, вставшее комком в горле. Да, конечно, пыталась она найти оправдание его действиям – он деловой человек, у него просто-напросто

нет времени на всякие там вздохи-ахи, но... Услышать что-нибудь нежное, пусть даже не признание в любви, а что-то, похожее на признание, – разве это так много?

Но Сергей не был расположен к сантиментам. Единственное, на что его хватило – это сунуть ей в руки маленькое колечко с крохотным изумрудом и буркнуть что-то нечленораздельное о том, как ему было хорошо...

Глава 13

Автовокзал переполнен людьми до предела. Казалось, еще немного – и бетонное здание начнет расплзаться на глазах, роняя на землю грязные глазницы окон.

– Мне до Автолитейного, один... – просунула деньги Алька в узкое окошко потной измученной кассирше.

– Осталось только два последних места, – грубо ответила та, стуча пальцами по кассовому аппарату.

– Пусть последнее, все же лучше, чем ничего, – самой себе проговорила Алька.

Автобус подкатил к посадочной платформе, распространяя черные клубы дыма и внося сомнение в души ожидающих его пассажиров относительно его надежности.

– Не переживай, красавица, доедем! – широкозубо улыбнулся водитель, принимая у Альки билет. – Он хоть и старенький, но бегаёт неплохо.

Однако оптимистичные прогнозы не оправдались. На сто первом километре в моторе что-то жалобно взвизгнуло, протяжно вздохнуло, и автобус остановился. Пассажиры недовольно зароптали, бросая на водителя негодующие взгляды, и принялись доставать свертки с нехитрой снедью.

Алька откинулась на сиденье и прикрыла глаза. Недовольство ей выразить не было смысла: какая разница – где ей сейчас находиться. Ее никто и нигде не ждал. А то место,

куда она сейчас держала путь, могло оказаться обычной пустышкой, розыгрышем, а то и еще похуже – ловушкой.

Но все оказалось именно так, как описывал в своем письме ее неизвестный адресат.

И поселок стоял на месте, соревнуясь чистотой и ухоженностью улиц с областным центром, и небольшой березовый лесок, через который ей надлежало пройти, шелестел изумрудными листьями, вот только нужной избушки не оказалось на месте.

Алька опустила на землю сумки, достала из кармана спортивной куртки помятый конверт и еще раз прочла строки письма, написанные неразборчивым почерком: «Пройдешь березовой рощей, свернешь на развилке влево и, держась берега озера, выйдешь на пристань. Там метрах в ста от причала и увидишь мою лачугу...»

Хоть убейся, но сколько она ни вертела головой, ничего, кроме двухэтажного особняка, обнесенного двухметровым частоколом, не увидела. Ничего, хотя бы отдаленно напоминающего землянку.

Алька спрятала конверт обратно в карман и, подхватив сумки, решительным шагом пошла по направлению к чугунной витой калитке, которая на фоне неструганых бревен выглядела словно нежный гиацинт, непонятно каким образом выросший в зарослях крапивы.

– Эй! Здесь есть кто-нибудь? – прокричала она, подойдя ближе и свешиваясь через невысокий чугунный барьер. –

Люди! Отзовитесь!

Ни одна дверь не хлопнула, ни одна портьера на окнах не шелохнулась.

– Э-э-э-эй! – еще громче позвала Алька. – Есть здесь кто-нибудь живой?

На этот раз ее отчаянный вопль возымел свое действие, и, оглушительно хлопнув дверью, на пороге возник здоровенный деревенский мужик, почти по самые брови заросший бородой.

Недобро сверкнув в ее сторону глазами, он вновь приоткрыл дверь, выпустил на волю огромных размеров собаку и, взяв ту за поводок, нехотя двинулся в сторону калитки.

– Добрый день, – настороженно произнесла Алька, забыв улыбнуться. – Вы не подскажете?..

– Заходи, – хрипло произнес мужик и дернул на себя калитку. – Нечего орать на всю округу.

– Нет, нет, – замотала она отчаянно головой. – Я просто хотела спросить...

– Заходи, говорю, – почти сердито перебил он ее. – Я жду тебя.

С этими словами он почти выхватил из ее рук обе сумки, свистнул собаке и размашистым шагом двинулся назад к дому.

«Вот попала, так попала! – Опасливо озираясь, Алька засеменила следом. – Кругом ни души, искать меня некому. Родителям еще две недели назад отписала, что уезжаю за

границу на два года. А почему, собственно, на два года? Чего, интересно, такой срок определила? Ох, господи, спаси и сохрани!»

Мысли хаотично мельтешили в мозгу, мешая сосредоточиться на главном: кто же такой этот мужик и почему он, не спросив ни имени, ни фамилии, ждал именно ее?

– Сюда, – распахнул он ногой входную дверь. – Подожди меня здесь, я сейчас собаку привяжу. Она чужих не особенно жалует, может и тяпнуть.

Он вышел, оставив Альку в одиночестве в огромной прихожей. Обшитая мореным дубом, она была застлана волчьими шкурами и освещалась старинным медным светильником. Три двери, очевидно, ведущие в другие комнаты, плотно прикрыты. Гадать, что там за ними, Альке долго не пришлось. Мужчина быстро вернулся и, открыв одну дверь, пригласил:

– Входи, присядь пока, поговорим, а потом я тебе комнату определю.

Осторожно переступив высокий порог, она вошла в кухню-столовую и обвела взглядом помещение. Все было деревянным, ни тебе пластика, ни тебе хромированных поверхностей. Только дуб, липа и сосна. Привыкшая к современному дизайну, Алька этому подивилась и, пройдя в комнату, опустилась на деревянную скамью.

– Алевтина, значит, – с порога констатировал мужик, заходя в комнату. – Алевтина Карамзина. Так ведь?

– Так, – согласно кивнула она головой. – А вы?

– А я сторож этого дома. Пока мой мальчик там на нарах парится, я тут присматриваю за всем. Теперь вот и за тобой буду. Но, правда, недолго осталось.

– Позвольте, – еще больше удивилась она. – Но он написал о своем доме – лачуга! Я приезжаю, ищу избушку на курьих ножках, а нахожу прямо хоромы! Он у вас, однако, шутник...

– Что да, то да. Шутник он известный, – хмыкнул сторож, спрятав улыбку в густой бороде и, тут же посерьезнев, добавил: – Но над ним еще шутники посильнее сыскались.

– Что вы хотите сказать?

– А ничего я тебе говорить не буду. Послезавтра свиданка у тебя с ним. Поедешь, там он тебе сам и скажет, если захочет. А сейчас идем, комнату тебе твою покажу.

Алька поднялась за ним на второй этаж и вскоре уже укладывала свои вещи в высокий платяной шкаф, до верхней полки которого она никак не могла дотянуться. Окна, занавешенные плотными шторами, почти не пропускали солнечного света, и от этого в комнате царила приятная прохлада. Намучавшись в душном, прокоптившем всех автобусе, Алка как благословение божье приняла приют под крышей этого дома и спустя час уже сладко посапывала, свернувшись клубочком на широченной тахте.

Досаждать самой себе мыслями о том, что доверять чужим людям опасно, она не пожелала, решив, что подумает об этом, как следует отдохнув.

Глава 14

– Кто Карамзина? – спросил контролер строго, чтобы она до конца прочувствовала всю суровость атмосферы, царящей в тюремных застенках.

– Я, – поднялась Алька со скамьи у окна. – Я Карамзина.

– Проходите вон к тому крайнему окошку и берите трубку.

– Спасибо...

Она прошла в соседнее помещение и села на скрипучий стул у стеклянной перегородки. Столешница, куда она положила локти и свою сумочку, вторя стулу, жалобно скрипнула.

Сердце у Альки неистово колотилось. То ли контролер добился-таки своего и внес в ее душу смятение, то ли это вызвано предстоящей встречей, прелюдия к которой весьма и весьма непривычна, но она откровенно нервничала.

Дверь по ту сторону стекла открылась, и охранник ввел высокого мужчину, бритого наголо. Руки тот держал за спиной, опустив голову, так что лица ей, до тех пор пока он не сел напротив, рассмотреть не удавалось. Но когда же он уселся и, взяв в руки телефонную трубку, обратил на нее свой насмешливый взгляд, Алька едва не задохнулась от неожиданности.

– Ты?! – только и нашлась она, что сказать.

– Привет, птаха, – улыбнулся он ей своей неотразимой улыбкой. – Как поживаешь? Судя по твоему объявлению в газете – не слишком хорошо.

– П-привет, – еле выдавила она из себя. – Как ты тут? Ну, я в том смысле, что...

– Ладно, не мямли, – смел он с лица улыбку. – Посадили и посадили, что теперь поделаешь. Мне уже выходить скоро. Лучше расскажи о себе. Между прочим, выглядишь шикарно. Серега, наверное, не скупился...

– Перестань, – недовольно поморщилась Алька. – Если ты все это затеял, чтобы поиздеваться, то я лучше пойду.

– Сиди, – приказал он и, увидев как от возмущения распахнулись ее глаза, тихонько рассмеялся. – А ты научилась выпускать коготки. Ведь так? Так. Вижу, не дурак. Хотя они меня за дурака приняли, о чем, конечно же, жестоко пожалеют.

– Меня, кстати сказать, тоже, – вставила Алька, решив, что возмущаться сейчас его дурными манерами совершенно неуместно.

– Я знаю...

– Откуда? Хотя о чем это я. Сюда новости, наверное, быстрее доходят.

– Ты знаешь, кто тебя подставил?

– Так ты веришь мне?!

– Да. А почему нет? – вроде как изумился он. – А что тебя удивляет?

Алька вдруг почувствовала, что ей тяжело дышать. С тех самых пор, как все это произошло, она устала повторять, что не виновата. Десятки людей выслушивали ее объяснения. Кто сочувственно, кто озадаченно покачивали головами и разводили руками, дескать, помощи не жди. Но ни один из них не сказал, что верит ей. Ни один...

– Эй, – отвлек ее его негромкий возглас. – Ты где?

– Я здесь, – тихо ответила она, учащенно моргая, дабы прогнать непрошеные слезы. – Извини, все никак не могу привыкнуть, что я теперь изгой.

– К этому привыкать тяжело, – согласился он. – Но ты на свободе, в отличие от меня, и это главное. А теперь слушай меня внимательно...

Глава 15

Конец сентября разбрызгал золото по деревьям и замутил воду в реках и озерах, сделав ее неповоротливой и тяжелой.

Алька стояла на маленьком мостке на берегу озера и скармливала хлебные корки домашним уткам, растолстевшим за лето. Те подняли оглушительный гвалт, борясь за каждую брошенную ею крошку.

«Прямо как люди... – отрешенно подумалось ей. – Кого угодно подомнут под себя, лишь бы урвать кусок пожирнее. Главное в этом деле – не быть слабым...»

Вот и ей сейчас необходимо быть сильной. Сильной настолько, чтобы вступить в неравную борьбу с теми, кто выкинул ее из общего круга.

– Эй, Алевтина, – окликнули ее от калитки. – Ехать пора, а то мальчик мой заждется.

– Да, да, уже иду, – машинально кивнула она головой, отряхнув с ладоней крошки.

Выехали все же с опозданием в сорок минут. Старенький «Москвич» дяди Вити, так звали родного дядю Дениса, по совместительству сторожа дома, никак не хотел заводиться. Дядя Витя нервничал, бурчал что-то в бороду, жал на газ, но все безрезультатно.

– Давайте я попробую, – предложила Алька. Не дожидаясь его ответа, она вышла из машины и склонилась над от-

крытым капотом. – Я сейчас...

Дядя Витя недоверчиво стрельнул глазами, но все же стал подчиняться указаниям, которые ему Алька диктовала.

– Разбираешься, что ли? – спросил он, когда мотор заурчал и они тронули машину с места.

– Да так... – уклонилась она от ответа, не желая вдаваться в объяснения, что в отрочестве посещала кружок автолюбителей. – Немного...

Она запахнула поплотнее тонкий жакет, в который непонятно для чего вырядилась, и сделала вид, что дремлет. Дядя Витя был еще тот жук. Враз смекнув, что разговаривать с ним не желают, он сосредоточил все свое внимание на дороге и до самых ворот тюрьмы не проронил больше ни слова.

Они, конечно же, опоздали. Денис ходил взад – вперед по небольшой бетонированной площадке перед тюремными воротами, то и дело бросая взгляд на часы.

– Позднее не могли приехать? – начал он раздраженно. – Мне тут лишняя минута, как год...

– Машина поломалась, сынок, – миролюбиво пробормотал дядя Витя, любовно оглядывая осунувшееся лицо племянника. – Да вон, спасибо, Алевтина твоя починила.

– Она не моя, – недовольно буркнул Денис и, швырнув сумку на заднее сиденье, нырнул в машину. – Ну здорово всем!

– Привет, – фыркнула Алька. – Сначала обласкал, теперь здороваешься. На вот, прими.

Она вытащила из пакета, зажатого между ног, бутылку шампанского, пластиковый стакан, большую сочную грушу и все это протянула на заднее сиденье.

– Ух ты! – соизволил все же он улыбнуться. – Первый признак, что ты на свободе. Кто со мной?

– Я за рулем, – с сожалением произнес дядя Витя.

– А я штурман, – отрицательно качнула головой Алька. – Так что дерзай в одиночестве.

– Ладно, отложим до лучших времен, – Денис положил бутылку на сиденье и, склонившись к Алькиному уху, тихо прошептал: – Ты все сделала, как я просил?

– Разумеется, босс.

– Кейс на месте?

– Все оказалось так, как ты говорил. Номер ячейки, серия и код, два старых пакета с непонятным тряпьем и еще, – в этом месте Алька обернулась и с насмешливостью, граничащей с издевкой, произнесла: – Новенький кейс, причем совершенно пустой. К тому же купленный за два дня до того, как я его извлекла из камеры хранения. В следующий раз, когда надумаешь проверять меня на вшивость, обставь все как следует.

– Не понял, о чем ты? – прикинулся непонимающим Денис.

– Нужно было как следует инструктировать дядю Витю. А именно: ему надлежало при покупке срезать бирку с кейса, на которой значилось число, цена и универмаг, в котором он

куплен.

Дядя Витя смущенно закричал, а еще через минуту натужно закашлялся, отчего Алька сделала вывод, что удар ее достиг цели.

Ее и в самом деле возмутила дурацкая выходка Дениса. Когда при свидании он ей доверительно нашептал о спрятанных в камере хранения деньгах, которые нужно взять и привезти в дом, да так, чтобы его дядька об этом ни сном ни духом, Алька прониклась к нему такой симпатией, что готова была за оказанное ей доверие служить ему с закрытыми глазами. Но когда же она приехала на вокзал, открыла указанную ячейку и внимательно исследовала то, за чем приехала, то возмущению ее не было предела.

– Ладно, извини, – миролюбиво произнес Денис, кладя ей руку на плечо. – Мне нужно было узнать.

– Что? – перебила его Алька. – Смогаюсь ли я с парой грязных футболок за границу или нет?

– Я хотел узнать: станешь ли ты кому звонить или нет, после того как выслушала мою просьбу.

– Тогда нужно было взять старый кейс, набить его чем-нибудь, чтобы у меня не закралось подозрение, – принялась выговаривать ему Алька, да с такой долей сарказма, что бедный дядя Витя не знал куда деваться. – И с этим человеком я собираюсь вершить справедливость! Кстати... А куда, потвоему, я должна была звонить?

Денис недоверчиво хмыкнул и с подозрением уставился

на нее. В машине воцарилось молчание, нарушаемое лишь монотонным урчанием мотора.

– Ну, ну, давай, – оборвала она напряженную паузу.

– Знаешь, Аленька, – вкрадчиво начал Денис, положив подбородок на спинку ее сиденья и приблизив таким образом свое лицо настолько, что она ощутила на своих щеках его дыхание. – Хотя прошло шесть лет с тех пор, как я тебя последний раз видел, в голове моей отчетливо сохранилась наша поездка к Сергею. Все инструкции, которыми тебя пичкал добренький Иван Алексеевич, возжелавший вдруг стать твоим покровителем, очень свежи в моей памяти...

– Ну и что? – перебила она его. – Разумеется, он меня учил, как говорить, как поступать, чтобы я не вляпалась в неприятную историю и не выглядела душой. Ну и что здесь такого?

– А ничего... Просто одна его фраза меня очень насторожила. Я думал над ней несколько ночей и наконец пришел к выводу...

– К какому? – фыркнула Алька, внутренне подбираясь.

– Что ты все эти годы была его осведомительницей...

Глава 16

– Ты, Алька, девка неглупая и должна понять, что такая удача выпадает не всякому и не каждый день. – Задумчиво произнес Иван Алексеевич, остановив машину за два квартала от офиса своего родного брата. – Все, что я тебе ночью говорил, исполняй в точности и будешь жить, как у Христа за пазухой. А сейчас отойдем-ка в сторонку, а Дениска пускай пока карамельку пососет...

Иван Алексеевич сунул руку в карман короткой дубленки, извлек оттуда карамель «Чупа-Чупс» на палочке и, сунув ее Денису, сидящему за рулем, едко заявил:

– На вот, отвлекись. А то все слюни порастерял, пока девку эту обхаживал. А она-то, вишь, крепким орешком оказалась и не по зубам тебе пришлась. Это тебе не твои голозадые танцовщицы...

Он еще что-то добавил ему вполголоса. Что – Алька не расслышала, потому как уже успела выйти из машины и сейчас стояла, кутаясь в высокий воротник енотовой шубы, которую ей накинуд на плечи перед отъездом Иван Алексеевич.

Дверь машины громко хлопнула. Иван Алексеевич подошел к девушке, подхватил ее под руку и повел по тротуару, сделав знак Денису следовать за ними.

Узкий тротуар небольшого провинциального городка, где

жил брат Ивана Алексеевича, был плохо очищен от рыхлого снега, и он сейчас налипал на каблуки сапог.

– Черт! – выругался Алькин спутник, поскользнувшись на повороте. – Дороги здесь!...

– Да, это не столица, – согласилась она, притопывая ногами, пытаясь сбить налипший снег. – Вы что-то хотели мне сказать?

– Да... – Иван Алексеевич несколько минут помолчал, затем вкрадчиво спросил. – Как ты настроена?

Алька не стала тратить время на дежурное «в каком смысле» или что-нибудь вроде: «я вас не понимаю», а твердо ответила:

– Не скажу, что решительно, но страх от двусмысленности моего положения понемногу отпускает.

– Это хорошо, – одобрил он. – Ты сообразительная девушка...

– А вы меня не переоцениваете? – перебила она его и, смутившись под его укоризненным взглядом, виновато пробормотала: – Извините.

– Я много в жизни повидал. Зерна от плевел отличать умею. У тебя есть характер. С виду ты хрупкая, ранимая, но внутри у тебя нестигаемый стержень. Пару лет закалки – и тебя не прошибешь.

– Ну уж! – вновь не удержалась она от возгласа.

– Да, да, поверь мне. Таких, как ты, неудачи и лишения лишь закаляют.

– Иван Алексеевич, вы забываете, что я прежде всего женщина! – Алька остановилась и растерянно заморгала глазами.

– Вот, вот, именно такой взгляд, – довольно заулыбался ее наставник. – Он любого мужчину может привести в смущение, заставит думать, что перед ним милая наивная девушка.

– Да вы что?! – еще шире распахнула Алька глаза. – Вы меня совсем, совсем не знаете!

– Да ну?! Меня не проведешь, милая. И пока ты тут разыгрываешь передо мной оскорбленную добродетель, я-то знаю, что мысленно ты меня уже давно послала в одно место, определяемое небольшим буквенным набором. Скажи, что я не прав.

Поежившись под колючим взглядом своего воспитателя и подивившись его пронизательности, Алька... промолчала.

– Таких, как ты, лишения лишь закаляют, – довольный ее молчанием, вновь улыбнулся Иван Алексеевич. – А теперь о деле...

Они остановились под старой липой, вытянувшей голые ветви к небу, и Иван Алексеевич принялся в который раз ее инструктировать. Но на этот раз его речь имела несколько другую направленность.

– Дело у нас закручивается новое. Вложения немалые. А Сергей от горя своего совсем ослеп, – сделал он вступление. – Нужно мне, чтобы ты за ним приглядывала.

– То есть – следила? – Алька возмущенно засопела. –

Иными словами, вы хотите сделать меня соглядатаем при вашем брате. Вы настолько ему не доверяете?

– Ишь, зачастила, – недовольно сморщился Иван Алексеевич. – Мне наплевать, как ты это назовешь: слезкой или еще чем, но делать будешь то, что я тебе скажу.

– А если я откажусь? – неосторожно брякнула она и тут же пожалела об этом.

– Попробуй, – по-змеиному прошипел ее спутник, грубо взяв под локоток. – Будешь звонить мне раз в месяц и выдавать полный отчет о его связях, договорах и встречах. Мне нужно знать обо всем, чем живет и дышит мой брат. И не вздумай со мной шутить!

– А если я об этом расскажу ему? Ну, вашему брату, – проговорила Алька, чувствуя, как неустойчивы в мартовской слякоти ее ноги. – Как вы думаете, что он скажет?

Резко притормозив, Иван Алексеевич несколько минут пристально ее разглядывал, а затем, запрокинув бритую голову, зычно расхохотался.

– Э-э-эх, хоть ты и умная баба, но все же баба, – выговорил он сквозь смех мгновение спустя. – Ты плохо его знаешь, если надеешься на то, что он станет тебя слушать. Он и появления-то твоего не заметит.

– А если я все же сумею сделать так, что он полюбит меня? – не сдавалась Алька. Запрятав глубоко внутрь свое возмущение, она перешла на более игривую волну.

– А вот этого-то я и хочу, – понизив тон, потому что они

подошли вплотную к машине, выдал Иван Алексеевич, чем очень удивил Альку. – Это поможет и ему, и мне, а главное – общему делу. Так что, будешь умницей – озолочу, а нет – никто и отыскать не сумеет.

Видимо, эти последние слова и достигли ушей сидящего за рулем Дениса. Они насторожили его, оставив в голове трудноперевариваемую информацию. Всю дорогу до офиса Сергея он кидал в зеркало заднего вида подозрительные взгляды на Альку, криво ухмыляясь при этом. Значение этих его гримас, над истинным смыслом которых она поначалу задумывалась, открылось ей только сейчас...

Глава 17

– Откуда такие выводы? Можно полюбопытствовать? – холодно поинтересовалась Алька, отодвигаясь.

Денис не ответил. Протянув вперед обе руки, он обхватил Альку за шею, привлек к себе и тихо прошептал:

– Я не такой дурак, как тебе кажется. Знаю, кем ты была при Сереге и при Ваньке, хотя спала лишь с одним из них. Надумаешь со мной поиграть в такие игры, я тебе твою очаровательную головенку сверну, как будто ее и не было.

Выдав это, он сдавил в обеих руках ее хрупкую шею, да так, что ей стало невозможно дышать, и, исказив свою неотразимую улыбку до неузнаваемости, продолжил:

– Если ты хочешь быть моим партнером, то должна рассказать мне все. Поняла? Все до мелочей. Вплоть до того, какие трусы предпочитает носить Серега.

– Это-то тебе зачем? – Алька с трудом перевела дыхание.

– Хочу тебе понравиться, – обнажил в улыбке ряд ровных зубов Денис, но глаза его при этом были не теплее льда. – Так что думай...

– Я уже подумала.

– И?!

– Права на ошибку я не имею.

– Совершенно верно, – удовлетворенно произнес Денис и убрал руки с ее шеи. – Приедем домой, отдохнем с дороги,

и ты мне все расскажешь.

– Хорошо, но с небольшой оговоркой.

– Какой?

– В обмен на мой рассказ ты поделишься со мной своими воспоминаниями. . .

– А разве ты о моих приключениях не знаешь?

Если честно, то о Денисе Алька не вспомнила ни разу с того часа, как он помог ей выйти из машины в то памятное утро. Окунувшись с головой в незнакомую ей жизнь, шаг за шагом осваивая новые течения на ее крутых поворотах, она совсем забыла о парне, который любил улыбаться улыбкой голливудской кинозвезды. За эти шесть лет она лишь дважды бывала в Москве, да и то по делам, не касающимся их столичного филиала. Поэтому знать о злоключениях Дениса, приведших его за решетку, она никак не могла.

– Конечно, кто я такой, чтобы ты обо мне вспоминала, – с едва заметной долей обиды пробормотал он. – Хотя... Учитывая ситуацию, вряд ли об этом кто распространялся.

Он откинулся на спинку сиденья и замолчал. Поскольку у Альки также не было желания разговаривать, то всю оставшуюся часть пути они не нарушили относительной тишины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.